

После публикации моей статьи “Лимиты” революции” (“Наш современник” № 8, 2017) стали поступать ко мне отзывы и вопросы читателей по существу нескольких положений, высказанных в ней. И потому возникла необходимость некоторых дополнительных разъяснений и уточнений, по возможности, не повторяя уже сказанного в статье.

Так сложилось в отечественной историографии, что поднимать вопрос о полном “онемечивании” в XVIII веке царской династии Романовых не было ни возможности до революции 1917 года, ни особой политической необходимости после неё. В силу существовавшей в этом отношении жёсткой цензуры историк В. О. Ключевский смог только констатировать, что после неудавшегося и во многом “антинемецкого” восстания декабристов из-за укрепившегося недоверия династии к русским “кончается политическая роль русского дворянства... В этом заключается, по моему мнению, самое важное последствие 14 декабря...” Да и вывод этот, чрезвычайно значимый для нашей истории, он сделал и записал как бы “на полях” своих трудов, в надежде, что будущие историки получат наконец-то возможность развить эту тему, детально исследовать все её, мало сказать, драматические “последствия”...

Но до сих пор этой исторической проблемы, насколько я знаю, никто из историков впрямую не ставил, так и осталась она, по сути, “белым”, а вернее – донельзя мутным пятном в нашем прошлом. Правда, сама возможность этого появилась после Октября, но в её реализации у новой власти уже не было какой-либо идеологической нужды: угнетателей-эксплуататоров, как и угнетаемых, не делили по признаку национальному, а только по классовому. Проблематика национальности тех и других и сейчас является официально табуированной, толерантность (в одном из значений этого слова – потеря иммунитета) и мультикультурализм здесь у россиянского политикума образцово-показательные, вплоть до ликвидации этой графы в паспортах и отсутствия русских как народа-нации в ельцинской Конституции РФ, тогда как в конституциях национальных республик в её составе субъектность этих “титulyных” народов прописана... Политически, а значит и социально нас, национального большинства России как субъекта с соответствующими правами попросту нет – и всё это, разумеется, для сокрытия крайне значимых диспропорций и неравенства по этническому признаку: самые бедные, обделяемые в финансировании, в социокультурных и прочих планах области – исконно русские...

Как я уже писал, православная обрядность Двора не делала Романовых русскими, и не было допущено ни одного случая женитьбы очередного наследника престола на русской; в любовницы – это, как говорится, всегда пожалуйста, но не более того. Кровь “немецкая”, а с ней и все многочисленные

и многосмысловые связи с западноевропейским *Vaterland* берялись пуще зенитцы ога, и рискувший жениться на русской, хотя бы и Рюриковых кровей, женщине член династии лишался какого бы то ни было шанса на престолонаследие. Ползучий, однако очень быстрый по историческим меркам захват ими верховной власти в Империи имел огромное, нами ещё, повторю, до сих пор не осознанное значение в её дальнейшей судьбе. Бироны-минихи-остерманы работали в этом направлении, надо признать, весьма эффективно, искусно отводя аборигенам роль исполнителей своего целеустремлённого дела.

Первостепенным по замыслу здесь, судя по всему, стало “дарование” Петром III (сиречь Карлом Петером Ульрихом) в 1762 году дворянству вольности, освобождения от обязательной даже в мирное время 25-летней военной и гражданской службы, а также и других весьма значительных привилегий, послуживших своего рода социальным и политическим подкупом “немцами” дворянского сословия (подтверждённых потом “жалованной грамотой” Екатерины II в 1785 году). И совсем не зря дворяне в порыве эгоистичной сословной благодарности собирались поставить этому горе-императору золотую статую; правда, когда он сдал Фридриху II все завоевания Семилетней войны, дворяне ещё имели силу свергнуть его, посадив на престол его жену Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербстскую, каковая и стала основательницей уже, считай, не замутнённой славянской кровью новой династии “Романовых”...

Всё это разрушило прежнюю, именно русскую систему государственной повинности, накладывавшую сравнительно соразмерные и потому более справедливые доли державного тягла и на дворянство, и на крестьян. Уже по смерти Петра I в мутную “эпоху дворцовых переворотов” правящей дворянско-немецкой верхушкой ускоренно велось закабаление, окончательное закрепощение основной части русского населения – крестьянства, и даже по сравнению с мобилизационными отягощениями петровских реформ степень эксплуатации помещичьих и заводских крепостных возросла к концу XVIII века, по некоторым утверждениям историков, в разы.

Землю и крестьян на ней, которыми ранее наделяли дворян для должного несения ими государевой службы, они теперь получили в полную личную собственность и распоряжение вместе с правом судебной-полицейской и хозяйственной опеки над ними, сбора подушных денег-податей, определения и исполнения наказаний вплоть до отправки в Сибирь, а работников навечно прикрепляли к заводам. И если в Европе того времени дело постепенно шло к какому-никакому освобождению крестьянства от феодальных пережитков и улучшению их условий жизни, то в России феодализм приобретал, наоборот, всё более жёсткие, крайние формы и уже мало чем отличался от рабства колониального толка.

Разрыв между верхним меньшинством и самым нижним подавляемым большинством окончательно принял цивилизационный характер, весьма чётко обозначив себя и в языковом плане, не говоря уже о социально-имущественном. Французский и немецкий в высшем свете вытеснили аборигенский русский, и даже наша национальная героиня, пушкинская Татьяна, “выражалась с трудом // на языке своём родном...” “Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, – писал А. С. Грибоедов, – он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые ещё не успели перемешаться обычаями и нравами...”

Нет, успели так радикально разделиться, разойтись, что казались порой выходцами из совершенно разных народов.

Этот цивилизационный разрыв и является едва ли не главным признаком как классического вообще, так и “внутреннего” колониализма в России XVIII–XIX веков вместе с утверждаемой Ключевским утратой “политической роли русского дворянства”, русской элиты, а фактически ведь и потерей субъектности, независимости её, с отстранением от принятия важнейших, а подчас и судьбоносных для страны и народа решений. Потеряв верховную власть, отдав её в чужие руки, она утратила вместе с нею и стратегическое, проектное мышление, саму возможность постановки и достижения своих, русских долговременных целей, то, что называют прозревающей в грядущее “длинной волей”. Это и стало началом длительного её и бесславного конца.

Гораздо раньше Ключевского в этом убедился сполна Ф. И. Тютчев, посвятивший российской дипломатии всю свою жизнь, с великой горечью видя “непостижимое самодовольство официальной России, до такой степени утратившей смысл и чувство своей исторической традиции, что она не только не видела в Западе своего естественного и необходимого (то есть которого нельзя обойти. — П. К.) противника, но старалась только служить ему подкладкой” и “только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих. . .”

Да это и немудрено было: ещё до Екатерины II императорский Двор стал “проходным двором” всей Европы, для всех и всяческих интернациональных проходимцев, слетевшихся “на ловлю счастья и чинов”, чего стоила одна драма жизни и борьбы М. В. Ломоносова. Хотя несомненно, конечно, что некоторые “иностранные специалисты” привнесли немалый вклад в развитие самых разных сторон научной и общекультурной жизни, делясь богатым опытом и знаниями Европы.

Но ведь именно наличие взыскательной и целеустремлённой “длинной воли”, выражающей главные чаяния и домостроительные принципы своего народа, и делает из его верхов истинную элиту. Державная традиция первых Романовых прервалась-переменилась уже на Петре Великом, и само государственное устройство России всё более становилось искусственным, навязанным со стороны, несообразным и не отвечающим многим запросам и нуждам, интересам и даже религиозно-идеологическим установкам общерусского бытия. Царство русское сменилось на Империю “вообще”. Онемеченную династию уже мало что родового, тем паче родного связывало с управляемой ею страной, разве что “графья” Бобринские; зато Европа была полна самыми близкими, алчными и весьма требовательными родственниками, что не могло не ввязывать “Романовых” во все европейские склоки и разборки, самой России чаще всего не нужные, а то и противопоказанные и ничего не приносящие, кроме беспрестанных и значительных трат в средствах и силах. Та же Екатерина II, свергнув с помощью дворян негодного мужа, тем не менее продолжила его политику сдачи Пруссии всех результатов Семилетней войны, куда как дорого обошедшихся русским. Надо сказать, при этом она очень умело, чисто по-женски подчас и весьма щедро — за счёт казны, разумеется, — подкупала расположение к себе и преданность русских аристократов, что завещала и своему потомству.

Но вопиющая несправедливость “дворянской вольности” с попутным лишением крестьянства последних прав вызывала законное возмущение народа, и ей пришлось уже в первые годы правления жестоко усмирять около 100 тысяч помещичьих и 50 тысяч заводских невольников, не говоря уж о грянувшей позже Крестьянской войне, пугачёвщине. А все внешние, даже самые успешные завоевания при ней и её потомках никак, считай, не сказывались на положении подавляемого большинства народа, и как тонула большая часть русской деревни в нищете, схожей порой с какой-нибудь индусской, в середине века восемнадцатого, так и продолжала тонуть в начале двадцатого. . .

Дармовая “вольность”, сверхизбыточные привилегии исторически сыграли с русской аристократией недобрую шутку — как, впрочем, и реформа 1861 года, о роли и грозных последствиях которой я уже писал. Землеладельческое дворянство в продолжение XIX века всё более впадало в системный кризис, обусловленный у нас, в первую очередь, экономическим иждивенчеством, а вернее — прямым паразитизмом на крестьянстве, эксплуатацией дармового тоже рабского труда, который, как известно, развращает господ куда больше, чем рабов. Всё меньше занималось оно собственно хозяйством сельским своим, перепоручая его хватким посредникам, корыстным старостам-приказчикам, переселяясь в города или вовсе за границу, с попустительства верховной власти мало заботясь о коренном улучшении его, а уж тем более о жизни своих крепостных, отдавая их под бесконтрольный произвол управляющих имениями, и толстовские “константины левины” встречались, увы, всё реже, замещаясь больше “облонскими”. . .

Избавившись от какой-либо ответственности за своих бывших крепостных и получив при “освобождении” 1861 года гигантскую по тем временам сумму прямых выкупных платежей за землю в один миллиард рублей (а косвенных было, по некоторым прикидкам, раза в два-три больше), дворянство не потратило, не инвестировало хотя бы половины её в “подъём сельского хозяйства”

своего, по-нынешнему говоря, а попросту “проело” в привычном барском потребительстве, а то и роскоши. Только в 1882–1901 годах русскими “путешественниками” было вывезено на Запад 1,37 миллиарда рублей, вполне напоминающая этим сегодняшнюю, тоже массовую “четвёртую волну” эмиграции своим отношением к Родине, к своему национальному делу и долгу.

Результатом стало повальное разорение “дворянских гнёзд”, обернувшееся форменной драмой того времени, но ни немецкая династия, ни служилая русская аристократия в силу своего классового эгоизма не сумели, не смогли предпринять ничего рационального, действенного, чтобы усовершенствовать хозяйственные и социальные механизмы и вывести из кризиса всю земледельческую экономику, а не цепляться до последнего за свой шкурный интерес и отжившие сословные, едва ли не кастовые привилегии в расколотом обществе. Как не могли по-настоящему поднять и технологический уровень промышленности, угодив в ростовщическую кабалу Запада, полностью утратив финансовую независимость.

Почему мы должны брать западные кредиты, спрашивал тогда исследователь экономики генерал А. Д. Нечволодов, чтобы на собственной земле, своими руками и материалами построить железную дорогу?.. С Ельциным и его, прости Господи, “элитой” посредством “Вашингтонского консенсуса” повторили извне тот же мошенический трюк, что и с Николаем II при навязывании “золотого рубля”. И эти же заучивные мантры об “иностранных инвестициях” мы слышим от правительства компрадоров и сейчас, что яснее ясного говорит о нашей финансовой несамостоятельности, а значит и о державной несостоятельности тоже. И видим третий десяток лет то же отсутствие “длинной воли” во внутренней политике, какого-либо значимого и понятного народу проекта, кроме ненасытной корысти продажной олигархии и пресловутого “выживания” для низов, обрекающего нас на вечное отставание и, вместе с тем, на деградацию, а вот она-то всегда конечна. . .

Одновременно с этим переживало острейший и всё нарастающий безвыходный кризис и крестьянство, составлявшее более восьми десятых всего человеческого ресурса Империи. Рождаемость была высокой и с перебором “съедала” жалкие приросты производительности труда и урожайности, население стремительно росло, а пашни, сельхозугодий на душу его становилось всё меньше, как и рабочего и прочего другого скота. Агротехника в основном оставалась самая примитивная, ещё зачастую с сохой, и прироста хлеба на выпаханной, без должного удобрения земле почти не давала. К тому же во второй половине и ближе к концу XIX века из-за провального внешнеторгового баланса правительством всё усиливался так называемый “голодный экспорт” зерна и всякого другого продовольствия под чиновничьим циничным посылом “не доедим, но вывезем”. Царская “продразвёрстка” работала вовсю, не озачичиваясь пропитанием самих землепашцев, и Александр III даже запретил в официальных документах слово “голод”, заменив его “недородом” . . .

Между тем, по статистике тех лет, хроническое недоедание крестьян в среднем на треть ниже самой минимальной нормы (около 20 пудов зерна в год на человека) было, по сути, постоянным фоновым голодом в деревне. А при неурожае, случавшемся каждые 4–5 лет, а то и чаще, страшный голодомор охватывал сразу десятков-другой губерний и десятки миллионов людей с неисчислимыми, в прямом и переносном смысле, жертвами-смертями, с тифом и цингой, не говоря уж о массовом разорении дворовых хозяйств. . . Всякий желающий знать может набрать в поисковике интернета работу А. Д. Нечволодова “От разорения к достатку”, другие материалы на эту скорбную тему и получить исчерпывающие сведения, статистику, факты. Сравнение же питания, не поминая условий жизни вообще, с сельским населением Европы и Северной Америки было просто убийственно позорным для России, где дело дошло уже до физического, телесного вырождения русского сельского населения. . .

Кое-как организованное и без действенной государственной поддержки проводимое переселение на свободные земли Сибири и Туркестана не могло решить проблему малоземелья и даже покрыть прирост населения, то есть положение его продолжалось лишь ухудшаться. Бедствия переселенцев были подчас невероятными, а “столовых (для них. — П. К.) от Пензы до Манчжурии только шесть”, писала газета “Русское слово” в 1907 году, тогда как лишь за февраль в Челябинском переселенческом управлении было зарегистриро-

вано около 20 тысяч беженцев из голодных губерний... Каковы были пути-дороги в Сибири, мы имеем представление от Гончарова, Чехова и других писателей наших. Столыпин, пытавшийся найти выход из крестьянского "чёрного тупика", успел сделать сравнительно немало, но решить проблему постоянного голода и массового разорения на селе в принципе не мог, потому что она в "периферийном капитализме" романовского образца имела системный, неотделимый от него характер. Уже в разгар столыпинских реформ при сильнейшем голоде 1911 года за границу было продано 53% собранного товарного хлеба: фигурально выражаясь, десяток-другой пароходов с российским зерном шёл на Запад, а навстречу в Россию один пароходик милосердного Красного Креста с прокормом для голодающих русских землепашцев...

Этим сдвоенным кризисом верхов и низов (при сравнительно слабом промышленном производстве, вдобавок большей частью контролируемом, как и банки, из-за рубежа) и была подорвана "становая жила" Российской империи, её реальная, а не показная мощь, которая в любом государстве может быть обеспечена только независимым и успешным, экономически гармоничным развитием промышленности и сельского хозяйства. Крайнюю запущенность всех этих не только экономических, но и политических, социальных, военных диспропорций большевикам пришлось преодолевать и выправлять ради спасения страны и народа в кратчайший предвоенный срок и самыми жёсткими, подчас жестокими мерами, иных выходов из всего "наследства" Империи просто не оставалось: "иначе нас сомнут..." Вопросом жизни и смерти стало получить путём навязанной, а то и насильственной коллективизации государственный контроль над "хлебом насущным", иначе армию и город не прокормить, и ускоренной индустриализацией (с переброской на неё избыточных рабочих рук из деревни) создать оружие защиты.

Надо умудриться сейчас, с нашим-то историческим опытом, "не понимать" всей грозности той ситуации, причём в условиях послевоенной разрухи и враждебного внешнего окружения, и жёсткой невозможности других решений, разве что сдаться и стать уже безусловной колонией многочисленных хищников вокруг. И 1941-й, несмотря на все трагические пережесты тех мер, подтвердил единственность этого пути.

Ведь ещё в 1918 году американский конгресс официально объявил, что России как государства больше не существует, а её территория, подразумевалось само собой, становится зоной "свободной охоты", международного раздела-разбоя, очевидно, в благодарность за помощь русского флота Штатам, тогда ещё разьединённым, в их гражданской войне в 1863 году... И тут же вместе со всеми прочими интервентами американцы высадили оккупационные войска на Русском Севере и во Владивостоке, попутно дочиста грабя и вывозя всё ценное. "Было бы ошибочно думать, что в течение всего этого года мы сражались на фронтах за дело враждебных большевикам русских, — не стал скрывать позже Черчилль. — Напротив того, русские белогвардейцы сражались за НАШЕ дело..." А переформатировать оккупационные зоны в "страны СНГ" — дело недолгое. И в этом смысле нашу гражданскую войну можно с полным правом считать антиколониальной, а значит и отечественной — пусть со строчной, в память о всех павших с обеих сторон, буквы...

Всеохватный кризис государства, напрямую связанный с двухвекковой утратой русской аристократией "длинной воли", с разложением и упадком ответственности за народ в национальной элите, и привел к "внутреннему колониализму" в отношении к большинству населения России. Но это сказалось и на других сословиях, на всём строе той государственной и общественной жизни, и потому даже идейный монархист, известный публицист М. О. Меньшиков задаётся возмущённым вопросом: "Чьё государство Россия?" — так и назвав свою статью в 1908 году. И приходит к выводу, что русские в массе своей лишены даже элементарного равноправия с другими национальностями в собственной стране, что "коренной русский народ до самого последнего времени был опутан целой сетью затяжных бессмысленных ограничений — при основной и тяжкой повинности нести на себе всю ответственность за громадное, раскинувшееся на два материка государство... Для начала хотя бы уравнивали нас в правах с господами покорёнными народностями! Для начала хотя бы добиться только пропорционального распределения тех позиций власти, богатства и влияния, что при содействии правительства захвачены инородцами. Если немцы, которых 1 процент в Империи, захватили кое-где уже

75 процентов государственных должностей, то на первое время смешно даже говорить о русском “господстве”...” И описывает, в том числе и в других статьях своих, широко распространённую практику утеснения и вытеснения русских во многих областях политической, деловой, социальной и культурной жизни, говоря даже о “тяжёлом засилье инородчества”, что напрямую переключается с ситуацией нынешней.

Надо сказать, что и советская, к середине тридцатых годов в большинстве своём русская по национальности номенклатура во многом переняла этот “интернационализм за счёт русского народа”, куда больше зачастую заботясь о национальных окраинах под политически недалёким самооправданием, что, дескать, “свои поймут и потерпят”... Именно грубые ошибки в определении и поддержании должного статуса русского народа в стране (с разделением на союзные республики, в том числе, а не на губернии), недалёковидность в решении “русского вопроса” и стали одной из самых главных причин распада Советского Союза. И задача восстановления русского самоуправления, суверенитета во всей полноте этого понятия и сейчас стоит перед нами как категорическое, в императив возведённое требование.

Вообще же, это “при содействии правительства” дорогого стоит в устах убеждённого монархиста... Меньшиков видел, конечно же, что немецкая династия на российском троне не могла не бояться русского большинства и всячески разбавляла его более сговорчивыми инородцами, ограничивала его как могла во власти, влиянии, инициативах, в распоряжении свои национальным достоянием. Весьма показательным здесь является настороженное и мало сказать — неприязненное отношение “немецкого самодержавия” к идейному движению славянофилов — Аксаковых, Хомякова и других выразителей русского самосознания, всяческие запретительные цензурные и прочие санкции, закрытие журналов и даже аресты, более чем странные, казалось бы, в родном Отечестве... И если позже правящая верхушка поспешно поддержала, отчасти сама организовала возникшее в начале нового века патриотическое черносотенство, то лишь из-за страха перед надвигавшейся революцией.

А она становилась всё неизбежной, поскольку давно и намеренно унижена была и оскорблена сама “народность” из пресловутой уваровской триады “Православие, Самодержавие, Народность”, где впали в системный кризис все её составляющие, в том числе и синодальный, издавна лишённый патриаршества клир. И тютчевское грозное предчувствие “дыхания Бога — дыхания бури” жило и в Меньшикове, чутко выразившем тогда критическое, предгрозовое самочувствие самого русского духа: “Я думаю, что столь глубокий упадок чувства народности — накануне восстановления её или смерти. Одно из двух...”

Народ и восстановил своё поправное достоинство, свою “самость” и историческую значимость тем способом, какой был ему доступен, — свержением власти, которая не исполняла возложенных на неё Богом и нацией обязанностей. Большевики, как раз обладавшие “длинной волей”, смогли достаточно убедительно сформулировать свой проект, в перспективе решающий главные проблемы бытия народа, и тот согласился на него, поддержал и принял его к осуществлению.

Крайним же выражением антинациональной политики “Романовых”, а по сути — предательства ими высших интересов России стало ввязывание страны в Первую мировую, поистине империалистическую войну в качестве “пушечного мяса” Антанты, западных ростовщиков-заимодавцев, своих хоть сколько-нибудь истинных, жизненно важных целей и причин на то не имея. То есть, по Тютчеву, чтобы в который раз “служить подкладкой” чужих и чуждых интересам, влезая вдобавок в огромные дополнительные долги перед “союзниками” и неся в ней беспрецедентные человеческие потери.

К раскрученной накануне её военной истерии в стране, кстати, вдруг, как по команде, подключилось большинство российских газет (которые сам же Меньшиков в открытую называл “еврейскими” и считал сугубо антирусскими), поднявших нежданно-негаданно прямо-таки ура-патриотический вой в поддержку войны “за Царя, за Отечество”... На этот раз ему, видно, не хватило пронципальности понять, что команда-то была из недр всё той же Антанты (как, впрочем, и на убийство эрцгерцога в Сараево) с целью втянуть русских в эту бойню, и сам он тоже увлёкся воинственной риторикой “войны до победного конца”...

Все эти факторы вместе и предопределили закономерный во многом крах царизма и самой Империи. И нынешние попытки навязать некий религиозно-публицистский культ последнего царя по меньшей мере антиисторичны и противоречат всему огромному массиву данных, документальных свидетельств слабости, неукоренённости в народе этой лжеромановской династии и её неспособности работать на истинное благо нации и страны. Простительно даже, что нынешние радетели монархизма сочли “исконно-посконной”, авторитетной и безальтернативной колониальную администрацию “Романовых”: достаточных целенаправленных исследований этого феномена в нашей исторической науке действительно нет, опереться в ней особо не на что, и заблуждаться на этот счёт можно, наверное, вполне искренне. Но поражает, как они, радетели, бесчувственны, по-барски пренебрежительны к многовековым тяготам и издевательствам, к полнейшему бесправию большинства нашего народа, крестьянства и рабочего люда вообще. Понятно, что не радетелей же этих продавали оптом и в розницу, и что – простите за грубость – не их матерей заставляли откармливать грудью легавых щенков...

Куда как показательно, что белогвардейское дворянство так и не почувствовало, не признало никакой исторической вины своей во всём происшедшем, считая себя жертвой “взбунтовавшегося хама”, сваливая все грехи свои и огрехи на народные низы и тем пытаясь оправдывать свой “социальный расизм” (С. Кара-Мурза), что так наглядно, например, в “Окаянных днях” И. А. Бунина... Похожим образом ведут себя и “ревнители” Николая II, вынося за некие скобки все его “вольные и невольные” проступки и прямые преступления как несущественные... За какие такие скобки? Своего беспамятства и равнодушия, своего монархического ража? И требуют не менее чем “всемирного покаяния” перед ним – в унисон, кстати, с “либеральной” люмпен-интеллигенцией, требующей того же и за всё семидесятилетие советской власти.

Всё это говорит не только о том, что исторические уроки этими властными, околовластными и просто “любительскими” кругами никак не выучены. Симптоматичная смычка “поклонских” монархистов и прозападной “либерасни” напрямую работает на интересы российской олигархии, которую вполне бы устроило, как вариант, “самодержавие” романовского толка с его разнузданной свободой корысти, рвачества, нещадной эксплуатации людских и природных ресурсов России.

Ко всему прочему, приходится делать вывод, что “хрустобулочки”, рьяные почитатели “России, которую мы потеряли” если и читали, то, похоже, очень поверхностно “святую русскую литературу” (Т. Манн), в том числе второго-третьего ряда от Радищева до Писемского и братьев Успенских. Она, горькая и родная, и является полным “сводом доказательств” того, что в двух статьях моих лишь обозначено как предмет дальнейших исследований и трезвого осмысления всеми, кто неравнодушен к поискам правды в нашей сложнейшей истории.